

РЕЦЕНЗИИ

И. Ю. Винокурова

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ВЕПССКОГО ЯЗЫКА (ЛАВЯ).
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Н. Г. ЗАЙЦЕВОЙ. СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2019. 574 С.**

Вепсы — малочисленный прибалтийско-финский народ, проживающий на территории трех сопредельных административных образований — Республики Карелия, Ленинградской и Вологодской областей. По данным Всероссийской переписи 2010 г. численность вепсов составляла 6400 человек: в Карелии — 3423 чел., в Ленинградской обл. — 1380 чел., в Вологодской обл. — 412 чел. При этом в Карелии владеющих вепским языком оказалось 1178 чел. (26,8 %), в Ленинградской обл. — 1003 чел. (72,7 %), в Вологодской обл. — 324 чел. (78,6 %) (Строгальщикова, 2019: 337). Численность вепсов и количество говорящих на вепском языке катастрофически падает. Язык вепсов занесен в «Красную книгу языков народов России» (ККЯНР, 1994). В этой ситуации исследования, посвященные исчезающему языку и традициям вепсов, приобретают особо важное значение в деле сохранения их культурного наследия и укрепления вепской идентичности.

Вышедший в свет в 2019 г. «Лингвистический атлас вепского языка (ЛАВЯ)» представляет собой первый опыт всестороннего исследования вепских диалектов с помощью метода картографирования. В подготовке Атласа приняла участие группа авторов, в которую вошли все известные, в том числе и очень авторитетные на сегодняшний день, российские исследователи вепского языка — Зайцева Н. Г. (руководитель проекта), Муллонен И. И., Мызников С. А., Жукова О. Ю., Бродский И. В.; составитель и оформитель карт атласа — Шибанова Н. Л. Данный труд, безусловно, займет важное место в мировой вепсологии и финно-угроведении. Он включает в себя 150 лингвистических карт, которые демонстрируют ареальную дистрибуцию вепских языковых явлений на фонетическом, морфологическом и лексических уровнях и сопровождаются комментариями, включающими этимологический и ареальный анализ.

Актуальность данного труда не вызывает сомнений. Использование географического подхода в лингвистике, оформившееся в особое лингво-географическое направление, включающее создание карт и их собрание в виде атласов, было и остается постоянным исследовательским полем в зарубежной и российской лингвистике, демонстрирующим огромный научный потенциал. Об этом свидетельствует значительное количество печатных изданий атласов языков различных народов. По подсчетам исследователей, сейчас их создано в мире более 300 (Букринская, Кармакова, 2020). В этих работах лингвистическое картографирование в зависимости от поставленных задач демонстрирует широкие эвристические возможности. Карта позволяет языковеду глубже изучить его предмет, не только делает наглядным распространение слов, форм и звуков языка на той или иной территории, но и помогает ответить на волнующие вопросы исследования, связанные с этимологией понятий, миграциями носителей языка и их этнолокальными контактами в прошлом и настоящем и т. д. С помощью карты можно раскрыть историю картографируемого слова, зафиксировав в разных частях территории разные стадии его эволюции или полное исчезновение и замену его иноэтническим заимствованием. Надо сказать, что вепский язык уже выступал ранее объектом двух лингвистических атласов: «Лингвистического атласа Европы» (ALE, 1983) и «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков» (ALFE, 2004, 2007, 2010). Коллектив последнего составили ученые из Финляндии, Эстонии, Карелии, в числе которых была редактор и один из авторов ЛАВЯ Н. Г. Зайцева. В задачи работы вхо-

дило показать родство вепсского языка с другими прибалтийско-финскими языками, выявление же специфических особенностей вепсского языка осталось за рамками исследования.

Несмотря на явные достижения в подготовке лингвистических атласов, общеизвестно, что проведение картографирования — процесс трудоемкий, несет большие сложности, иногда его практически невозможно осуществить. Значительные требования предъявляются к материалу, который должен быть презентабелен по количеству и качеству. Для создания карты необходим полный, систематический сбор материала по всей территории, причем материал требуется сопоставимый, т. е. собранный по одной программе, с одинаковой степенью детализации и единообразно записанный (Толстая, 1995: 4). Учет этих проблем проведения картографирования еще более поднимает научную ценность подготовленного труда. Авторам атласа удалось осуществить огромную работу по изучению и обработке значительного массива архивных и опубликованных источников, а также дополнительному сбору оригинальных материалов по вепсскому языку. Экспедиционные исследования были проведены в 2012–2013 гг. по вопроснику, включающему 395 вопросов, из которых 83 — по фонетике, 46 — по грамматике и 265 — по лексике. Заполнение вопросника удалось осуществить в 30 вепсских населенных пунктах. Здесь можно только восхититься трудолюбием, упорству и успехам лингвистов в собирательской деятельности, поскольку большинство вепсских деревень находится на грани вымирания и найти в них подлинных носителей вепсского языка становится очень трудно.

Понятно, что составление лингвистического атласа может начинаться лишь после длительного изучения языка, в результате которого станут известны его основные черты и диалектные различия. Закономерно поэтому, что картографическую часть вепсского атласа предваряет подробный историографический очерк, рассказывающий о накоплении вепсского языкового материала и решении проблем диалектного членения вепсской речи. В результате исследования историографии вопроса авторы пришли к выводу, что «многие принципиально важные проблемы вепсской диалектологии далеки от разрешения. Не выявлены в полном объеме особенности всех диалектов, не исследованы переходные зоны, нет четкого представления об отличиях в области фонетики, грамматики, лексики, не названы главные маркеры диалектной речи ареалов. Все это не дает возможности сформулировать пути исторического сложения диалектов, охарактеризовать генезис их особенностей, определить тенденции их развития» (с. 8). Именно эти проблемы авторы и поставили во главу угла в своем лингвогеографическом исследовании.

Собрание карт атласа начинается с карты, посвященной вепским этнонимам, за ней идут три группы лингвистических карт по фонетике, грамматике и лексике вепсского языка, последняя группа является самой объемной. Каждую карту сопровождают обязательные разделы: легенда, в которой указан картографируемый материал; расшифровка легенды с указанием диалектной принадлежности картографируемого материала, что наглядно иллюстрирует широту его ареального функционирования; номер пункта картографирования; список источников картографируемого материала; научный комментарий. Опыт такого представления материала может быть полезен и для картографирования данных по другим гуманитарным наукам. Общие итоги решения поднятых проблем представлены в Заключении, состоящем из двух разделов: «Формирование диалектной карты вепсского языка» и «К истокам формирования вепсской диалектной карты» (авторы — Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен).

Почти каждая «статья» в атласе, основу которой составляет карта, отличается новизной информации и выводов. Например, в разделе «Фонетика» интерес вызвали выводы относительно перехода дифтонга *ai* в *ei* в некоторых средневепсских поселениях (карта 7). Оказалось, что такая ситуация связана с русским языковым воздействием, продвигавшимся вверх по р. Ояты и затронувшим в первую очередь самый близкий к языковой границе говор с. Ярославичи. Русским воздействием объясняется, видимо, и относительно раннее закрепление *ei* в Пяжозере и Шимозере, куда оно распространялось по рекам Суда и Мегра (с. 39).

Мощным русским языковым воздействием со стороны русского Посвирья объясняется также звуковой переход из *j* в палатализованный *g'* в западных средневепских говорах (Каргиничи и Чикозеро, Подпорожский р-н Ленинградской обл.), а также появление палатализованных *d'* и *g'* в Прионежье и на восточной окраине вепского языкового ареала в Вытегорском и Бабаевском р-нах Вологодской обл. (с. 72). Полученные выводы уточняют ход этнической истории вепсов в отдельных зонах. В разделе «Фонетика» с помощью карт (9–10) исследуется и такой злободневный вопрос, касающийся вепского языка, как выявление следов и остатков древнего прибалтийско-финского наследия — гармонии гласных. Делается вывод, что лишь центральные говоры в западном средневепском ареале, а также некоторые южновепские, можно считать наследниками явления гармонии гласных (с. 53).

Одним из значительных результатов исследования коллектива авторов явилось выявление на основе языковых данных связей между отдельными ареалами вепской территории Межозерья, которые являются импульсом для проведения этнологических исследований или, если таковые уже были проведены, служат их подтверждением. Например, ряд лингвистических карт показал близость южновепского ареала (Бокситогорский р-н Ленинградской обл.) к языку восточных (белозерских) вепсов (Бабаевский р-н Вологодской обл.). Как отмечается в Атласе, такая близость может быть вызвана активным контактированием и языковыми связями южных и восточных вепсов в рамках одной Новгородской губернии, в противовес другим группам вепсов, которые административно относились к Олонецкой губернии (с. 64). Следы таких связей были выявлены и автором рецензии на основе полевых этнографических материалов 2002 г. По распространению колядных песен, жатвенного обрядового блюда (яичницы) русская территория по р. Суде соединяет южных вепсов с белозерскими, что, как представляется, может объясняться верхневолжской славянской колонизацией.

В то же время, по мнению авторов ЛЯВЯ, объединение северновепского ареала с западновепским встречается не часто (с. 76). Это подтверждается и материалами по календарной обрядности вепсов.

Отдельные языковые явления прионежских вепсов Карелии обнаруживают аналогии с Шимозерским ареалом и белозерскими вепсами Вологодской обл., например слово *lähte*, которое приобрело на данной территории значение 'пруть' (карта 67). По мнению авторов, это явление связано с карельским влиянием, именно северные и восточные вепские говоры оказались наиболее подвержены карельскому языковому влиянию (с. 254). Здесь стоит заметить, что это утверждение согласуется с неоднократными историческими свидетельствами о пребывании карелов в этих местах и этнографическими фактами (Винокурова, 2011: 95–98). Появление карелов на этой территории, прежде всего, связано с трагическими событиями XVI–XVII вв. — войнами России и Швеции, затронувшими земли приладожской корелы и вызвавшими миграции карелов вглубь России. Один из потоков карельских беженцев XVII в., двигавшийся в сторону Белозерска, проходил по территории Шелтозеро — Ошта — Шимозерье и, видимо, частично оседал на ней. Однако белозерское направление было освоено корелой и раньше — в сер. XIII в. Д. В. Бубрих приводит интересный факт: в 1251 г. одна группа корелы была зарегистрирована даже у Кубенского озера. Монахи жаловались белозерскому князю Глебу Васильевичу на обиды не только со стороны местной чуды, т. е. вепсов, но и со стороны местной корелы (Бубрих, 1947: 37).

Среди достоинств ЛАВЯ следует назвать и встречающуюся в ней при этимологическом анализе ценную для этнологов информацию о вепской традиционной повседневности. Например, в статье о липе дается очень подробное красочное описание изготовления из нее мочала — необходимого предмета народной гигиены (с. 174). При рассмотрении терминов, обозначающих пыль, выясняется, что в вепских представлениях, в отличие от русских, в прошлом существовала дифференциация пыли на два вида — домашнюю и дорожную, обозначаемых особыми терминами (соответственно: *pölu* и *tuhu*), которые были связаны с универсальным делением пространства на свое (домашнее) и чужое (с. 244). В разделе карто-

графируемой лексики о животном мире среди большого количества наименований паука, приводится неизвестное ранее метафорическое название *kalanik* с основным значением 'рыболов', представляющее собой эвфемизм (с. 205). Это название еще раз доказывает особое выделение этого насекомого в вепсских традиционных представлениях о мире фауны и древнее почтительное отношение вепсов к пауку в народных верованиях (Винокурова, 2006: 235–239).

Высоко оценивая представленную работу, некоторые выводы авторов все-таки вызывают сомнения. В вепсском языке представлено большое количество названий радуги, этимологический и ареальный анализ которых представлен в специальной статье Н. Г. Зайцевой и И. И. Муллонен. В ряде названий радуги воплотилась лексема *kare*, возникшая в результате переосмысления исходной прибалтийско-финской семантики 'дуга' — 'распорка, дуга внутри лодки' (с. 234). В то же время встречаются названия, в которых вепсы представляют радугу в виде небесного коня, пьющего из земных водоемов воду, ср. аналогичные поверья с разными названиями радуги-коня: «*Jumalanheboine job järvespei vet*» — «Божья лошадка (радуга) пьет из озера воду» и «*Kar'ko veden job*» — «Карько (кличка лошади карей масти) воду пьет» (Зайцева, Муллонен, 1972: 181). Карько (Карька) — распространенная кличка лошади карей масти, встречающаяся в литературных произведениях (см.: Е. Кузнецов, «Княжий сыск: Последняя святыня»; Г. Пискарев, «Сильнее разума»). «Конь карь» часто упоминается в русских заговорах на остановку кровотечения: «Конь карь, кровь стань. Аминь» (РЗК, 2000: 87) или «Едет старик стар. Под ним конь кар. Ты матушка — руть, не кань!» (записано В. П. Ершовым). Однако авторы статьи о радуге в ЛЯВЯ придерживаются мнения, что названия *Kar'ko*, *orei-karoi* (жеребец + *karoi*), *kar'/hebo* (*kar'* + лошадь) происходит от лексемы *kare* 'дуга' (с. 234).

Безусловную важность представляет вывод Н. Г. Зайцевой о бытовании собственных исконных именованных *kül'bet* 'баня' и *kiuduk* 'печь в бане, каменка', затрагивающих всю вепсскую территорию (карты 121, 122). Исходя из этого вывода, автор делает заключение «о длительной по времени традиции строительства и использования вепсами бань с каменками» (с. 464). Это заключение, основанное только на лингвистических материалах, не согласуется с другими источниками.

Начну с печи-каменки. Дело в том, что печь-каменка первоначально служила для отопления жилища и не имела отношения к бане. Археологи обнаружили остатки подобных каменок в жилищах многих территорий Северной Руси (Баня, 2004: 18). В. В. Пименов в книге «Вепсы» отмечает, что «... первоначально вепсы складывали (в избах — И. Ю.) печи-каменки, а позднее, но не позже XVIII в., стали устраивать глинобитные печи» (Пименов, 1965: 226). Таким образом, словом *kiuduk* вепсы могли первоначально называть печь-каменку в доме, а затем с появлением бань перенесли его и на печь в бане. Но как происходило появление бань? Считается, что жилище в древности выполняло и банные функции. Баня появилась в результате отделения помывочного места (у русских оно могло называться *мовня*, *мыльня* или *баня*) в избе (часто рядом с печью) в отдельную постройку (Баня, 2004: 16). Такой же процесс мог происходить и у вепсов. Автор пишет, что в лексеме, которая именуется баню (*kül'bet*), отражен корень *kül'b-*, служащий и для образования слова *kül'pt'as* 'купаться' (с. 468), т.е. *kül'bet* первоначально могло обозначать место для мытья. Кроме того, обращают на себя внимание сообщения, что бани первоначально были не у всех. Их могли себе позволить только зажиточные крестьяне (Баня, 2004: 10). По данным 1571 г.: «из 82 усадеб Кирьяжского погоста (карельского — И. В.) бани были только в пяти» (Шенников, 1992: 121–122). В. В. Пименов о банях у вепсов пишет следующее: «В источниках XVII–XVIII в., относящихся к области расселения вепсов, как это ни странно покажется на первый взгляд, не встречено упоминаний бань (*kül'bet*). По-видимому, их в тот период у вепсов еще не было. Единственный случай упоминания бани («мыльни») приурочивается к г. Олонцу, где такая постройка в конце XVII в. сооружалась на дьячем дворе.

Это обстоятельство находит себе объяснение в этнографическом материале. И в XIX в. бань у вепсов насчитывалось очень немного. Зато до самого последнего времени у южных и средних вепсов удерживался обычай мыться (собственно, париться) в больших русских печах — в избах» (Пименов, 1965: 227–228). По мнению исследователей, традиция париться в печах у южных и части средних вепсов, а также тихвинских карелов и смежного русского населения (это южная часть Новгородской губ.) связана с ростовской колонизацией славян (Баня, 2004: 14, 25). Данные архитектора И. Е. Гришиной и мои полевые материалы указывают на то, что во многих южновепских и средневепских деревнях бани появились только в довоенное время (1915–1930-е гг.). При этом имеются факты, что население часто предпочитало печи баням (Винокурова, 2016).

В целом, поднятые вопросы еще раз свидетельствуют о том, что российскими исследователями вепского языка подготовлен капитальный научный труд, заставляющий думать, размышлять, дискутировать и, таким образом, приходиться к новым открытиям и верным решениям.

Литература:

Баня и печь в русской народной традиции. М.: Intrada, 2004.

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск: Гос. издательство Карело-Финской ССР, 1947.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Лингвистический атлас // Энциклопедия Кругосвет. URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/lingvistika/lingvisticheskiy-atlas>. Дата обращения: 15.02.2021.

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2006.

Винокурова И. Ю. Карелы и вепсы: этапы и территории этнокультурного взаимодействия // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шёгреновские чтения. Санкт-Петербург: Издательство «Европейский Дом». 2011. С. 92–107.

Винокурова И. Ю. Вепсская культурная топография: банные ритуалы, связанные с рождением, здоровьем и смертью человека // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые международные Шёгреновские чтения. Сборник статей. Санкт-Петербург: Издательство «Европейский Дом». 2016. С. 345–357

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Ленинград: Наука, 1972.

ККЯНР — Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 1994.

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. Москва; Ленинград: Наука, 1965.

РЗК — Русские заговоры Карелии / Составитель Т. С. Курец. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ. 2000.

Строгальщикова З. И. Языковые процессы // Народы Карелии. Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 331–341.

Толстая С. М. Географическое пространство культуры // Живая старина, 1995, № 4. С. 2–6.

Шенников А. А. Длинный дом и крытый двор (Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX — начала XX в.). Санкт-Петербург: РАН, Русское геогр. о-во, 1992.

ALE — Atlas Linguarum Europae. Vol. 1. Premier fascicule, Cartes et Commentaires. Assen, 1983.

ALFE — Atlas Linguarum Fennicarum. Helsinki. 2004-2010. Vol. I–III.

Винокурова Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Ул. Пушкинская, д. 11, г. Петрозаводск, Республика Карелия, 185035.

E-mail: irvin@sampo.ru

Материал поступил в редакцию 17 февраля 2021 г.

I. Yu. Vinokurova

**THE LINGUISTIC ATLAS OF THE VEPS LANGUAGE (LAVYA), EDITED BY N. G. ZAJTSEVA.
SPB.: NESTOR-ISTORIYA, 2019. 574 P.**

This text is the review of the Linguistic Atlas of the Veps language (Lavya), edited by N. G. Zajtseva. SPB.: NESTOR-ISTORIYA, 2019. 574 p.

References:

- Banya — Banya i pech' v russkoj narodnoj tradicii [Bath and stove in the Russian folk tradition]. Moscow: Intrada, 2004. (in Russian).
- Bubrih D. V.** Proiskhozhdenie karel'skogo naroda [The origin of the Karelian people]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Karelo-Finskoj SSR, 1947. (in Russian).
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E.** Lingvisticheskij atlas [Linguistic Atlas] // Enciklopediya Krugosvet [Encyclopedia Around the World]. URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/lingvistika/lingvisticheskij-atlas>. Data obrashcheniya: 15.02.2021. (in Russian).
- Pimenov V. V.** Vepsy. Ocherk etnicheskoj istorii i genezisa kul'tury [Vepsians. Essay on ethnic history and genesis of culture]. Moskva; Leningrad: Nauka, 1965. (in Russian).
- RZK — Russkie zagovory Karelii [Russian conspiracies of Karelia] / Sostavitel' T. S. Kurec. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU. 2000. (in Russian).
- Strogal'shchikova Z. I.** Yazykovye process [Language processes] // Narody Karelii. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays]. Petrozavodsk: Periodika, 2019. S. 331–341. (in Russian)
- Tolstaya S. M.** Geograficheskoe prostranstvo kul'tury [Geographical space of culture] // Zhivaya starina [Living antiquity], 1995, № 4. S. 2–6. (in Russian).
- Shennikov A. A. Dlinnyj dom i krytyj dvor (Iz istorii stroitel'noj kul'tury krest'yan lesnoj zony Evropy do konca XIX — nachala XX v.) [Long house and covered courtyard (From the history of the building culture of peasants in the forest zone of Europe until the end of the 19th — beginning of the 20th century)]. Sankt-Peterburg: RAN, Russkoe geogr. o-vo, 1992. (in Russian).
- ALE — Atlas Linguarum Europae [European Language atlas]. Vol. 1. Premier fascicule, Cartes et Commentaires. — Assen, 1983.
- ALFE — Atlas Linguarum Fennicarum [Atlas Language Fennicarum]. — Helsinki. 2004-2010. Vol. I-III.
- Vinokurova I. Yu.** Zhivotnye v tradicennom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstrukcii) [Animals in the traditional Vepsian worldview (reconstruction experience)]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2006. (in Russian).
- Vinokurova I. Yu.** Karely i vepsy: etapy i territorii etnokul'turnogo vzaimodejstviya [Karelians and Vepsians: stages and territories of ethnocultural interaction] // Istoriko-kul'turnyj landshaft Severo-Zapada. Chetvertye Shyogrenovskie chteniya [Historical and cultural landscape of the North-West. Fourth Sjogren readings]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Evropejskij Dom». 2011. S. 92–107. (in Russian).
- Vinokurova I. Yu.** Vepsskaya kul'turnaya topografiya: bannye ritualy, svyazannye s rozhdeniem, zdorov'em i smert'yu cheloveka [Vepsian cultural topography: bath rituals associated with the birth, health and death of a person] // Severo-Zapad: etnokonfessional'naya istoriya i istoriko-kul'turnyj landshaft. Sed'mye mezhdunarodnye Shyogrenovskie chteniya. Sbornik statej [North-West: ethno-confessional history and historical and cultural landscape. Seventh International Sjogren Readings. Collection of articles]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Evropejskij Dom». 2016. S. 345–357. (in Russian).
- Zajceva M. I., Mullonen M. I.** Slovar' vepsskogo yazyka [Dictionary of the Vepsian language]. Leningrad: Nauka, 1972. (in Russian).
- KKYaNR — Krasnaya kniga yazykov narodov Rossii. Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik [Red Book of the Languages of the Peoples of Russia. Encyclopedic dictionary-reference]. M.: Academia, 1994. (in Russian).

Vinokurova Irina Yur'evna, doctor of science (history), leading research fellow.

RAS, Karelian Research Centre, Institute of Linguistics, Literature and History.

11 Pushkinskaya st., Petrozavodsk, Russia, 185035.

E-mail: irvin@sampo.ru